

влияние. Есть пласт—страна, и мы утверждаем это, говоря «русские дети», есть близкий пласт—деревня, город, при чем играет роль центр, окраина, фабрика и т. д. и есть, наконец, семья. Только разобравшись в отражениях этих бытовых пластов на ребенке, мы сможем подойти к его индивидуальности⁴.

«Разобраться в отражениях бытовых пластов»—это значит, сначала распознать, а затем снять наслоения, закрывающие индивидуальность ребенка. Но такая серьезная операция приведет к нужным результатам при условии, если она будет производиться под непосредственным руководством специалистов по быту—этнографов.

Таким образом, выясняется необходимость обратить внимание на достижения этнографических изучений, в частности на изучения детского быта. Ознакомление с накопленными материалами по данному вопросу убеждает нас в том, что, хотя они собраны далеко еще не полно, но все же их достаточно для того, чтобы можно было поставить вопрос о выяснении их качества и количества, иными словами—вопрос об упорядочении их.

До сих пор эти материалы имели, в сущности, *записное* значение, так как собирались не планомерно, случайно, без ясно поставленной цели—«про запас». Теперь пора дать отчет в сделанном, свести к некоторому единству накопленное и, в связи с этим, поставить вопрос о планомерном пополнении пробелов.

При выполнении этой задачи оказывается, что отдельные стороны детской жизни освещены достаточно полно, другие едва затронуты, иные даже не намечены. Больше всего проявлено интереса (не говоря об изучении детского языка) к детским играм, игрушкам и забавам. Здесь мы имеем и довольно солидные материалы, имеем и ряд программ для их изучения⁵. Отчетливо выражен интерес и к детскому фольклору: имеется значительное количество записей, опубликованы программы собраний⁶; в частности, предметом особого внимания делается детская песня—в целях использования ее в педагогической практике⁷. Начинет, наконец, привлекать исследователей—правда, еще не специально, а попутно—и *поэтика* детского словесного творчества⁸.

Как видим, только отдельные вопросы и стороны детской жизни являются предметом изучения. Вся же совокупная, в пол-

ном объеме, область детского быта еще не стала объектом систематического изучения. Те же материалы по детскому быту, которые имеются в научном обороте, не только не охватывают вопроса в его целом, но скорее разрушают это целое, вырывая из него отдельные части и не связывая их в живое единство. Отсюда и недочеты в изучении частей, привлечших к себе внимание наблюдателей. Детские игры, песни и пр. не могут изучаться без знания *общих условий* детской жизни; их следует изучать не вырванными, а в условиях реальной обстановки, реальной жизни со всеми ее элементами, во всех ее проявлениях. Детская жизнь — не *содинение ч стей, а живое единство*. Без грубого нарушения этого единства невозможно оторвать песню от игры, игру от этики и т. д. и т. д. Нужно целостное изучение детского быта. В целях сосредоточения внимания детский быт должен быть *обособлен* при изучении. На такой мысли необходимо остановиться при сколько-нибудь внимательном подходе к делу.

Ценны и интересны признания Кершенштейнера⁹. Изучая художественное творчество детей, он писал: «Мне казалось, будто я путешествую в новой, неизвестной дессе, стране, стране полной бесчисленных красот, в *стране детей*, которые со всей прелестью и обаянием их неподдельной природы дают все, чем природа их наградила».

Резче подчеркивая высказанную мысль может быть, несколько утрируя ее, мы можем сказать, что эту „новую“, „неизвестную страну“ населяет недолговечное племя, каждый представитель которого живет 12—14 лет. Оно имеет свой жизненный уклад, свою общественность, определенный круг знаний, довольно своеобразный язык, свое искусство. Это племя — наиболее первобытное из всех, изучением которых этнография занимается и должна заниматься; оно очень мало интересуется отношением к нему соседящих и совместно живущих „народов“, которые мнят себя выше стоящими, более культурными и т. д. Как и всякая народность, племя это испытывает на себе влияние других — и добровольно и вследствие того, что слабосильно — поневоле. Отношение к нему „сильного народа“ целиком напоминает отношение европейцев к народам не европейских культур: „сильный народ“ шлет к нему не всегда понимающих свои задачи просветителей; на этой почве бывали серьезные столкновения (вспомним „каманчей“ и „апахов“), делались грубые вторжения, посылались карательные отряды...

В таком виде, или лучше сказать, в такой форме, легче всего представить *обособленность* детского быта. Внимательнее при-сматриваясь к нему, можно убедиться, что в этой форме мы имеем не утрировку, а лишь подчеркнутость обособленной мысли.

В самом деле. Быт создается различными причинами; среди них значительную роль играет и психика творцов и носителей быта. Не анализируя причин иного порядка, сейчас—имея в виду детский быт—остановимся только на последней. Детская психика имеет много особенностей (потому то и выделена психология детского возраста). Можно сказать а priori, что в силу даже одного этого, быт детей всякого народа будет иметь свои особенности. И здесь говоря о праве детского быта на внимание, быть может, следует напомнить басню о двух зеркалах, которую рассказал Анатолий Франс¹⁰. Дети воспринимают мир и окружающую жизнь таким образом, как это позволяют им их познавательные средства. Искажена ли картина мира и жизни у детей? Она отлична от картины мира взрослого человека, а искажена ли, кто это скажет...

Вывод из этого тот, что детство—его мир и быт—имеют свои особенности, в силу которых должен быть выделен для особого изучения ряд специальных вопросов которые можно объединить термином *детская этнография*. Эти априорные положения подтверждаются фактическими наблюдениями над детской жизнью.

Детский быт не только резко отличается или имеет самобытные черты, но детская жизнь резко обособляется от жизни взрослых.

Есть игры взрослых и есть игры детские; те и другие, имея много общего, разнятся друг от друга настолько, что изучаются порознь. Есть песни детские и есть песни взрослых людей; те и другие, имея общее, разнятся настолько, что их при изучении разделяют. Такое сопоставление можно делать, имея ввиду и другие объекты этнографических изучении. В результате детская этнография отмежевывается от этнографии общей.

Конечно, тесной связи между ними отрицать нельзя: «детская этнография, по сл. вам Gabnaу'и, по большей части верное отражение этнографии взрослых». Но детская этнография—не только *сколюк*; она имеет вполне самобытные, не встречающиеся у взрослых, особенности и черты, обуславливаемые совокупностью особенностей детского возраста.

Надо иметь в виду, что и *склоки* с жизни взрослых не есть *копия* последней: дети не так воспринимают художественный образ, как его воспринимают взрослые их представление о мире не тождественно с представлением взрослых. Поэтому детский быт нельзя рассматривать только, как отражение или *склоки* с жизни взрослых. Он создается не только под влиянием взрослых. Некоторые стороны детского быта вырабатываются— мало того, что независимо от взрослых, но в результате противоборства с взрослыми, как это отмечают чуткие художники-бытописатели. Больше того, если детский мир испытывает на себе влияние мира взрослых, то есть факты, указывающие на обратное влияние: например, детский язык держит под своим влиянием некоторые элементы языка взрослых (слова, прозвища).

Детская жизнь в народной массе имеет особые моменты. Ребята живут и сознают себя обособленным миром. Играют в игры независимо от участия взрослых; учатся играм, наследуя их не от «больших» непосредственно, а от «своего брата», учатся плясать—и спать так не у взрослых, но часто в величайшей тайне от них; познание окружающей природы также далеко не всегда совершается под влиянием и руководством «больших».

Жизнь взрослых в сознании детей связана с их собственной жизнью только в отдельные моменты. напр., большие их бьют, кормят... Взрослые чаще всего—посторонние этой жизни люди, которые иногда даже «мешают». Родители, даже мать, это не столько непосредственно желательные участники детской жизни, сколько «большие маяки» на море детской жизни. Такой отчужденности двух миров соответствует приметная особенность устно-народного творчества: в народной поэзии детям интересующего нас возраста (когда они имеют *свой быт*) очень мало уделяется внимания.

«Дети— не у шубы рукав»...

«Что он понимает—детско дело»...

Правда, в колыбельных песнях говорится о ребятах, но говорится не столько о ребятах в их настоящем, сколько в будущем.

Обособленная многими отличительными чертами, детская жизнь должна, в целях обстоятельного изучения, сделаться *стдельной*, самостоятельной ветвью этнографической науки. Изу-

чение детского быта достигнет желательных результатов, когда исследователями будут приняты во внимание отличительность и самобытность детского мира.

Не забывая связанности жизни взрослых и жизни детей, мы тем не менее должны в познавательных целях обособить последнюю.

Обособление, как мы видели, не только возможно (материал, подлежащий изучению, легко подвергается такой операции) но неизбежно. Наука возможна благодаря *упрощению* изучаемых явлений: ведь, если не понимать вещи проще, чем они есть, то их, вообще, совсем нельзя понять.

Еще довод: как во всякой науке, в этнографии весьма желательно применение принципа разделения труда. Практически это не только полезно, но и необходимо: один имеет больше данных, чтобы успешнее подойти к изучению хозяйственной жизни народа, другой—религии, третий—детской жизни и т. д. „Внутри себя“ этнография имеет достаточно мотивов обратить внимание на детский быт.

Этнографы, изучая культуру народных масс, мало интереса проявили к *процессу унаследования* культуры одними поколениями от других, уходящих со сцены. Этнографы имеют мало материала для суждения, каким путем мы *вступаем во владение* культурным богатством, добытым ранее жившими поколениями. Мы изучаем все явления культуры в том, говоря условно законченном виде, в каком они представляются нам у сошедшего со сцены поколения или у поколения, наследовавшего ему. Остается пустое место, не освещенный вопрос: каким путем происходит это унаследование—передача и принятие.

Различные явления культуры передаются из поколения в поколение при их смене. Полный хозяин достояния прошлого, старшее поколение, готовит себе преемника, которым является новое поколение. Когда, как, при каких обстоятельствах наследник входит во владение?

Когда молодые люди „приходят в возраст“, они уже многое знают из окружающей жизни, многие вопросы жизни ими (или для них разрешены и т. д. Очевидно, процесс унаследования (в некоторой, быть может, основной его части) совершился раньше,—в детском возрасте. Нужно изучать этот возраст, чтобы суметь ответить на поставленный в общей форме вопрос.

Понятно, поэтому, что детский возраст имеет вполне самодовлеющее значение. Четкую формулу этой мысли дал знаменитый германский философ-поэт, чьи слова поставлены мною в эпиграфе ¹¹.

Может быть, термин *детская этнография* способен возбудить возражения, но едва ли чтонибудь мешает считать его вполне приемлемым в качестве рабочего термина. Он является расширением уже принятого в специальной литературе термина „детский фольклор“. Необходимость в таком расширении чувствуется при всякой попытке наметить программу изучения детской жизни. Можно указать на недавний пример: Богораза, который, предлагая программу по изучению детского фольклора, вынужден тут же говорить о фигурах из бичевки на кистях рук, о детских куклах, „хотя они и не относятся к фольклору“ ¹². В этнографической литературе этот термин не является непривычным: им пользуется, напр., Gabnai в своей работе *Ungarische Kinderspiele*.

Пока мы имеем только частичные наблюдения над отдельными сторонами детской жизни; для изучения детского быта в его целом еще не предложено ни методики наблюдений, ни детально разработанных программ собирания материала, ни методов разработки. Да и накопленный материал не приведен в известность, не подвергался оценке. В этом заключается главное препятствие на пути к научной постановке вопроса.

Наиболее полную картину детской жизни мог бы дать обстоятельно составленный неписанный детский календарь. В известных в этнографической литературе народных календарях детский быт буквально тонет, теряется. Будучи выделенным, он открыл бы многие стороны детской жизни. Такой календарь нужен и составление его не представляет невозможной задачи.

Предлагаемый ниже набросок детского народного календаря составлен из материалов, собранных мною в селах и деревнях Тулунского (бывшего Нижнеудинского) уезда, Иркутской губ., главным образом, в Тулуне и его окрестностях. Моей усердной сотрудницей в собирательской работе была Софья Федоровна Гушина. Некоторые из приводимых здесь сведений относятся к Урульге, Забайкальской области (в тексте это оговорено каждый раз особо). Они доставлены мне Е. И. Титовым. Мзюлди записаны по моей просьбе в Куйтунской волости (Тулун. у.)

И. С. Хромовских, воспроизведены для настоящего издания Д. А. Болдыревым-Казарином К сожалению, вследствие технических трудностей пришлось ограничиться воспроизведением только небольшого количества нотных записей. М. К. Азадовскому я обязан добрыми советами и ценными указаниями.

Опубликовать календарные сведения *по всему годовому кругу* в данный момент не представляется возможным, как вследствие недостатка места, так и по другим причинам. Поэтому сейчас ограничиваюсь только этим беглым наброском.

Январь. 1-ое число. Еще накануне, 31 декабря, на самом исходе старого года, перед закатом солнца, матери, на вопрос детишек, скоро ли придет новый год и «где он таперичи»¹³, говорят:

— Близко, совсем близко... вон тамо-ка, за лесом уж...
Вот как уснете, он и придет.

— Скоро уж спать?

— А вот поедим свиные ножки—и спать.

С наступлением глубоких сумерек зажигают в избе огонь. Вытащит мать горшок или «чигунку» из печи, и начнут спрявлять традиционный Васильев вечер. В Васильев вечер, «накануне» «Нового года, за ужином едят варенные свиные ножки. В иных местах в этот вечер варят и овечьи ножки (с. Гадалей и др.). Из длинных косточек ребята делают «фурфарки», называемые в разных местах неодинаково: фуркалки, фурфалки, жужжалки

Новый год. Еюо заутреня в Новый год не кончитца, а ребяташки—вдвоем али втроем—уж бегают по избам „подсевают“.

Сею—вею посеваю,

С новым годом проздравляю—

Со скотом, с животом,

Со пшеничкой, с овсецом.

Ты, хозяин-мужичек,

Полезай в сундучек,

Доставай пятачек—

Нам на орешки,

Вам на пяташки.

Здравствуйте, хозяин с хозяйшкой! (с. Шарагул)¹⁴.

Ребятам дают хто копейку, хто две; дают и блин или аладью. Тапери мало бегают, раньше было больше, хошь и не столь, как христославов в Рождество.

В продолжении всех дней до Крещенья „ребятня“ гадает и ворожит, подражая молодятнику.

Крешшенье (6-ое число). После ирдани, как попы уйдут, устраиваютца (как и в Новый год) конские бега. Десяти-двенадцатилетние мальчуганы принимают живейшее и ответственное участие в качестве наездников; об этом хорошо рассказано в работе Е. И. Титова—„Конские бега в Восточном Забайкалье“¹³.

После Ивановова дня (7-ое число) „прядут посиденки“, на которых девочки—непременные участницы „Как оирядем, чай пьем А потом играть примемся всяко: и „в клетки“ и „в уголки“, а то на улице—«в лягушки». Играли в лягушки: рубашонки рукавам на ноги наденем, а у шеи—подвяжем, а то и голову в рубаху же.. ну и скачем... А то ноги за уши и отеть как-нибудь карабкаться, быдто лягушка Другой раз дак и на улицу таким родом выползишь.

В куклы тоже играли. Прежде девчонки как-то долго с куклам играли. Идешь на посиденку, несешь прялку и везешь повозочку с куклам У меня—как сичас помню—чуман был. Везочку подладишь и везешь“.

До наступления теплых весенних дней продолжают зимние игры. У девочек главным образом, куклы, у мальчиков—уличные забавы.

Предвестницей весны можно считать Масленку. В общем веселье принимают участие и дети. Катаются с катушки на лотках, санках, телячьих шкурах, вениках, возят друг друга по очереди, катаются и на лошадях. Всё кругом поет—поет и детвора частушечный мотив:

Мы на масленке катались
И наделали беды:
Цыганёнка задавили,
Нам надели кандалы.
Кандалы забрякали,
Мать с отцом заплакали.
Ты не плачь, мать-отец:
Нас погонят, как овец.

Гуляют, обильно угощаются „большие“, усиленно кормят и ребят, говоря: „Мясоедов ушел, скоро придет Киселев“, или: „Мясникова заперли, скоро выпустят Киселева“, намекая тем самым на наступление поста.

В прошоный день в иных местах устраиваются конские бега; мальчуганы нужны в качестве седоков.

Как только появятся первые вёсны лывы, ребята спускают лодочки (обыкновенно из коры тополя), кораблики, бродят по лывам в обуви и босиком. Попозже, с появлением первых проталин, детвора, вооруженная топориками, долотами, ножами, идет в ближайший лес *кылупать селу*, добывать из-под снега бруснику.

Вербо воскресенье. С „большими“ или одни, по их поручению, ребята идут рано утром к церковной службе по вербу. Наиболее интересный момент для них—получение вербы и эсобенно—возвращение домой, когда они ею „хвошшут“ друг друга, приговаривая:

Верба крес—
Кверху лезь,
Верба шти —
Кверху расти .. (д. Пянова)
Или:
Верба хлѣс—
Бьет до слез,
Верба бела—
Бьет за дело,
Верба красна—
Бьет напрасно. (Тулун—поселок):

В е л и к и й ч е т в е р г. Этот день ознаменовывается „стоянием“ „на двенадцати евангелях,“ после которого несут огонь из церкви домой. Выходя с горящими свечами, озорные малчуганы тушат огни у прохожих.

В этот день ребята красят бабки, спуская их в горшок с распаренным луковичным пером или веничным (березовым) листом; красят их и „куксином“ (фуксин), синькой, „сининькой (копировальной) бумажкой“.

П а с к а. „Ребята словно выросли, преобразились. И плзхонькие одежонки выглянули новыми и нарядными“¹⁶.

При звоне колоколов ребята высыпает на улицу. Одним из любимейших занятий является в это время *катанье настальны*

ли. Вытаскивают с вышки или с пятер, так называемую „катальницу“ (желобок), выбирают полянку, покрытую прошлогодней сухой травой; устанавливают катальницу на подпорках под некоторым углом к горизонту и начинают катать яйца. Сначала все „раскатывают“ по одному яйцу. По серой травке поползут красные, синие, зеленые, желтые, рябенькие яички—и бесшумно остановятся, „лягут“ по два, по три, поодиночке. Соблюдая очередь, ребята катят затем по второму, по третьему яйцу, стараясь задеть им чье-нибудь яйцо, лежащее на травке. Задеть—значит выиграть чужое яйцо. Счастливый игрок, по правилам игры, может катать до тех пор, пока не „промахнется“. Случается, хоть и редко, что кто-нибудь выигрывает срезку весь первый «загон». Такого игрока на следующий раз уже не принимают в игру, говоря: «Ты опять всё выиграешь, не надо тебя». Играют долго иногда до поздней ночи.

Если же нет «каталки», то «стукают» об лоб, с таким уговором: если мое яйцо разобьется, то оно твое, а если нет, то ты свое мне отдашь. Хитрые мальчуганы стараются ударить «носком», (наиболее острым концом яйца), ну а простоватые, бьют чем попало, и чаще всего проигрывают.

В Забайкалье (Урульга) тоже «бьются». Ходят оравы с «битком». В первый день ломают только «носок», во второй — носок и «пугу». Хороший биток можно выбрать из мелких яиц («спаришки»); пробуют, поколачивая о зубы: если звук ровный со всех сторон—биток хороший; бока дребезжат—хуже.

Другим любимым занятием на Паске является «качюля». Ребятишки побольше сами устраивают качюлю, ну а маленькие просят старших: «Повесь качюлю, повесь качюлю». «Весят» обыкновенно под сараем или на воротах и качаются с утра до вечера, распевая:

Раскачайте, раззыбайте—
Я скажу вам жениха:
Сане—Кузиньку,
Тане—Витиньку.

Если качается одна девочка (в таком случае она стоит на середине доски), то она поет:

Я качаюсь, нарываюсь—
Мне не надо жениха.